

Наталья Боброва

Юрий Богатырев. Чужой среди своих

«Центрполиграф»

2016

УДК 929
ББК 85.374

Боброва Н. А.

Юрий Богатырев. Чужой среди своих / Н. А. Боброва —
«Центрполиграф», 2016

Юрий Богатырев – талантливый актер, жизнь и карьера которого, к сожалению, оборвались слишком рано. Он умер всего в сорок один год, однако, несмотря на это, за столь недолгое время сумел сделать очень многое в кино и театре.

УДК 929
ББК 85.374

© Боброва Н. А., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Читателям	8
Глава 1. Золотая лихорадка	9
Глава 2. Мистическая шапка	14
Глава 3. Свой среди своих	19
Глава 4. Кукольный дом	24
Глава 5. Они шагают по Москве	30
Глава 6. В поисках «дупла»	32
Глава 7. Особое счастье	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Боброва

Юрий Богатырев. Чужой среди своих

© Н. Боброва, 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Читателям

Четырнадцать лет назад вышло первое издание этой книги. И тут же разлетелось, как стая ласточек. Оказалось, что люди почти ничего не знали об этом артисте как человеке. О том, как он жил, любил, страдал... Тем ценнее пришлась информация из первых рук – от тех, кто его знал, ценил, любил. От родных, друзей и коллег. Печально только, что за это время – четырнадцать лет – некоторых уже не стало... Но радостно, что нашлись и другие, что потом стали выходить статьи, книги, фильмы, телевизионные передачи об этом легендарном артисте. Мои герои, что называется, пошли в народ. И это автору очень приятно.

Но признаюсь: тайна это мощной титанической фигуры все равно осталась до конца неразгаданной. Потому что Богатырева, как русского человека, умом стандартным не понять и никаким аршином общим не измерить. Его талант, «особенная стать» плюс совсем непримечательное поведение до сих пор остаются загадкой, которую еще долго будут разгадывать и его современники, и потомки. Рожденный в семье коммуниста, верил не в Бога, а в искусство как религию. Мечтающий играть героев, играл характерные роли. Как многие спасаются храмом – пытался спастись сценой, экраном, кистью... «Современник», МХАТ, кино, радио, телевидение... Везде был востребован, желанен. Хотя любому актеру всегда кажется, что главное еще не сыграно... Что птица удачи вот-вот вспорхнет на его плечо – плечо Егора Шилова из «Своего среди чужих, чужого среди своих», Стасика из «Родни», Ромашки из «Двух капитанов», Штольца из «Нескольких дней из жизни И. И. Обломова» и так далее...

Знаете, как люди радовались, когда их спрашивали о Юрии! Его имя, как секретный код, легко открывал и двери, и сердца. Каждый вспоминал о нем с радостью и удовольствием – как будто он еще рядом, слышит, улыбается, шутит, грустит... А между тем в будущем году ему исполнилось бы семьдесят лет...

Вглядимся же еще раз в эту яркую комету, так досадно быстро мелькнувшую на небосклоне российского искусства.

Спасибо всем, кто помог мне в этом.

Автор

Глава 1. Золотая лихорадка

Бессмертный Егор Шилов ■ Чужой среди своих ■ Люди гибнут за металл ■ Товарищи не понимают ■ Капустные котлеты ■ Залог успеха ■ Лось номер два ■ «Ничто нас не может вышибить из седла!» ■ «Юра, сожми кулак!» ■ «Получай, гад, за Нелю!»

...Он вышел на пригорок.

Весенний ветер развеивал ковыль... И его волосы цвета золота... Того самого рокового металла, который он вернул товарищам.

Бесконечно усталый, выпрямился во весь рост. И замер... Крикнуть уже не мог... Да и товарищи далеко, не услышат.

Шилов просто стоял и молча смотрел им вслед.

И вдруг один из них, слегка отстав, оборачивается... А потом все – и Забелин, и Сарычев, и Кунгуров – несутся назад, к нему... Обнимаются, смеются – они снова молоды... они снова счастливы... они снова вместе...

...На такой высокой романтической ноте заканчивался фильм Никиты Михалкова, ставший визитной карточкой Юрия Богатырева, – «Свой среди чужих, чужой среди своих», посвященный борьбе людей за маленький «золотой» саквояжик. Блондин-чекист Егор Шилов стал в нем главным героем и пружиной действия. Напомним, что его вроде бы убивают, но он загадочным образом воскресает – чтобы доказать «своим», что он «свой»... А золото тем временем переходит из рук в руки, чтобы в конце концов оказаться в руках красных, которые должны обменять его на хлеб для голодающих...

Сюжет фильма весьма запутанный – не случайно многие зрители жаловались, что *ничего* в картине *не успевают понять*. Ясно было одно: «свои» – это красные, чекисты. Среди них – и герой Богатырева.

Артист, следуя общему режиссерскому замыслу, играет своего мужественного героя скупой и лаконично. Мы можем только догадываться о его богатой внутренней жизни... Ни единый мускул не дрогнет на его аскетичном лице во время погонь и перестрелок... Его чекист Шилов – почти робот, человек-автомат, невозмутимый фанатик, ради будущего счастья человечества оставляющий после себя пустыню... Но и ему не чуждо ничто человеческое – вроде привязанности к товарищам? коллегам? соучастникам?

За жестким образом угадывается драматичная судьба, непростая биография и особый, мужественный нерв...

Забегая вперед, скажем, что подобных «маскулинных» ролей в кино у Богатырева больше не будет...

* * *

Кстати, тогда, в 1974 году, «Свой среди чужих, чужой среди своих» был воспринят зрителями вовсе не на ура.

Сложный авантюрный сюжет, рваный монтаж, «темные съемки», загадочный облик героев, костюмы, стилизованные под западный вестерн, – все это определяло оригинальную стилистику картины, но одновременно несколько раздражало советского зрителя, не привыкшего к такому «трудному» кино.

В журнале «Советский экран» в начале 1975 года вокруг картины разгорелась настоящая боевая полемика.

«500 тысяч рублей золотом, которые герои фильма таскают с собой на протяжении всей картины, весят 260–280 кг. По объему это золото ни в какой саквояж не влезет. Вызывает недоумение и применение в начале 20-х годов дискового ручного пулемета», – удивлялся недалекости кинематографистов один зритель.

«Оригинальность нередко превращается в оригинальничанье, фильм движется скачками, остросюжетные эпизоды перемежаются с длиннотами», – возмущался другой¹.

Так встретил «простой советский народ» картину, которая считается сегодня культовой. И голосовал, как водится, ногами: выйдя на широкий экран в 1974-м, фильм в прокате занял двадцать второе место...

Это 23,7 миллиона зрителей. Для того времени – почти позор... Его опередили такие «шедевры», как «Неисправимый лгун», «Океан», «Пятьдесят на пятьдесят».

Можно предположить, что зрителя смущало два обстоятельства.

Первое. Политическая ангажированность. Картина о подвигах красных, о «гадах белых», о набившей оскомину Гражданской войне. Что тут может быть нового и интересного? Вариация на тему «Неуловимых мстителей»? Надоело...

Второе. Это был полнометражный режиссерский дебют представителя прославленного клана Михалковых... А многие помнили, что «на детях гениев природа отдыхает».

* * *

Мало кто знал, что сюжет фильма имел реальную историческую основу. Он был навеян небольшой заметкой в одном из журналов, где рассказывалась реальная история путешествия из Сибири в Москву поезда с золотом, реквизированным у буржуазии. Оно было захвачено белогвардейским отрядом, переходило из рук в руки, пока наконец не было отбито чекистами... И именно по этим мотивам Никита Михалков и Эдуард Володарский напишут повесть «Красное золото». А затем по ней – два варианта сценария. Второй – двухсерийный, потому что первый изобиловал банальностями. Причем не под конкретного режиссера. Но когда Михалков окончил режиссерский факультет ВГИКа и у него появилась реальная возможность снять свою картину, соавторы начали срочно «ужимать» материал и подгонять его под себя.

* * *

К тому времени Юрий Богатырев и Никита Михалков уже были знакомы. Мало того – успели вместе поработать. Об этом мне рассказал Никита Сергеевич в своем офисе «Гритэ».

– Я познакомился с Юрой в Щуке, потому что мы учились вместе, – вспоминает Михалков. – Он учился на два курса младше меня. И я помню его невероятно дородную внешность... Помню его в самостоятельной работе по «Подростку» Достоевского – он приготовил отрывок и замечательно там играл...

Но мы как бы не дружили... Меня исключили из Щуки из-за участия в съемках и за то, что я не стал извиняться (так как нарушил правило). И тогда я перешел во ВГИК. К тому же я не хотел после училища три года работать по профессии (что было обязательно по тогдашним законам). Мне не хотелось терять время, мне хотелось заниматься режиссурой. Поэтому я сделал все, чтобы меня все-таки выгнали. И поступил в мастерскую Михаила Ромма, сразу на второй курс.

¹ Восторг и разочарование // Советский экран. 1975. № 7. С. 9.

В то время я жил у Сережи Никоненко в его комнате в коммунальной квартире. Это было совсем недалеко от Щуки, на Сивцевом Вражке. И поэтому вся щукинская команда, как теперь говорят, тусовка у нас дневала и ночевала... В общем, все подряд «бесчинствовали» в этой квартире...

В училище я ходил на самостоятельные показы – смотреть дипломные работы студентов, – все это было близко мне по духу. Как мне тогда казалось, актерская школа ВГИКа не могла идти в сравнение с Щукинским училищем. Так, собственно, все считали. Когда мы учились в Щуке, нам ведь вбивали в голову: в стране есть только одно училище – Щукинское, где по-настоящему учат быть артистом.

И мы с Юрой пересекались на этих показах-спектаклях. Юра там играл, а я смотрел.

Уже тогда он считался очень перспективным актером. К тому же у него еще было дарование художника. А также замечательный юмор, деликатность в обращении. То есть это был как бы образ артиста начала XX века – мхатовской школы, с интеллигентными манерами и веселыми шутками...

Но мы не были еще близко знакомы...

А когда я начал снимать свою дипломную работу «Спокойный день в конце войны», то совершенно естественно обратился к своим однокашникам – Сереже Артамонову, Вале Смирнитскому, Саше Пороховщикову... И конечно, к Юре Богатыреву (это была одна компания). Тогда-то Юра и попал к нам на съемочную площадку в первый раз.

У него была очень маленькая роль. У других, правда, еще меньше, но там были хоть какие-то слова. Но зато у него была замечательная фактура – белоголовый, голубоглазый, с русой щетиной... Потрясающая фактура уже тогда...

Потом я начал готовиться к «Своему среди чужих...». Вместе с Эдиком Володарским мы написали сценарий. И конечно, уже тогда в нем была роль для Юры. Потому что я видел его на экране и уже знал – по отрывкам из Достоевского, которого он очень любил, и по очень смешным ролям в водевилях, – какой он универсальный артист, какой замечательный характер. Но... я ушел в армию, и все отложилось на год с лишним.

* * *

Уезжая на Камчатку, Михалков попросил Богатырева не сниматься до его возвращения, пообещал хорошую роль. Тот поверил и стал ждать. И худеть. Потому что понимал: чекист Егор Шилов не может быть толстяком! И несколько месяцев, к изумлению соседей по общежитию, Богатырев обреченно ел капустные котлеты. Без хлеба. Он чувствовал, каким внешне должен быть его Шилов – поджарым, мускулистым...

* * *

Михалков вспоминает:

– Когда я вернулся, у меня столько накопилось энергии и жажды работы, что мы тут же включились и стали всех пробовать... Но на роль Шилова я никого не пробовал, кроме Юры.

Его физическая форма вызывала у всех уважение. Если группа называла меня «лось номер один», потому что я очень много бегал, занимался спортом, то его – «лось номер два». Он был совершенно фантастической выносливости. Его огромные руки все называли «верхние ноги» – они были с гигантскими кистями и толстыми, мощными пальцами.

Вообще, Господь одарил его совершенно невероятной фактурой. Юра был сложен так потрясающе, что, когда мы снимали финальную сцену, где он бежал в свитерке навстречу товарищам, то он, никогда не занимавшийся спортом, выглядел настоящим ширококостным атлетом с рельефными мышцами...

* * *

Михалкова во время съемок больше всего поразили два обстоятельства.

Первое. Богатырев так сидел в седле, как будто родился ковбоем. Михалков, выросший на конном заводе и с детства ездивший верхом, не мог поверить, что за неделю можно стать таким ловким наездником.

– Помню, спросил его, – продолжает Михалков, – «А верхом ты ездешь?» – «Никогда не ездил...» – «Ну и как ты?» – «Я научусь».

И он сделал это просто в считанные дни, и виртуозно – сел на коня и тут же поехал.

Второе, что поразило Михалкова, – неумение Богатырева драться. Это режиссера очень напугало: фактура есть, а как снимать?

– Однажды я испытал шок, когда мы должны были снимать сцены, где он сжимает кулак, – говорит Михалков. – Я увидел, как он абсолютно по-женски сжал кулак, прижав большой палец к ладони, и был совершенно потрясен. Я спросил: «Юра, ты что? Ну-ка, ну-ка, сожми кулак. Ты что, никогда не дрался?»

И он признался, что да, никогда. Я понял, что он действительно никогда не дрался. И пришел в ужас, потому что в картине ему предстояло играть много чего – там были и бои, и пот, и кровь, и все такое мужское...

Мы начали репетировать сцену драки – и он все сделал потрясающе, абсолютно точно.

* * *

Кстати, сам Богатырев запомнил этот эпизод на всю жизнь.

В этой сцене он действительно никак не мог ударить Александра Кайдановского, да еще с требуемым воплем: «Убью тебя, паскуда!»

– Он потом мне об этом рассказывал, – вспоминала его подруга юности Нелли Игнатьева. – Он очень переживал, что подведет группу, – Никита нервничает, аппаратура простаивает... И ему тогда помогло одно воспоминание. Как-то незадолго до этого мы вместе с Юрой входили в ресторан ВТО, которое располагалось тогда на улице Горького. А в этот момент выходил Кайдановский и по неосторожности отпустил тяжелую дверь, которая прищемила мне руку и снесла ноготь с пальца... Я просто закричала от боли.

И вот когда Юра мучился с той сценой, он вдруг все это вспомнил. И тогда все получилось. И вопль, и удар – вот тебе, гад, получай за Нелю! «Убью тебя, паскуда!»

Никита был рад:

– Попал!

* * *

– Это была восхитительная, но тяжелая работа, – вспоминает Никита Михалков. – И что самое ужасное – съемки шли именно там, где потом шла война. Урус-Мартановский район, Ачхой-Мартановский район, Ведено, Комсомольское, Толстой-Юрт – там снимался наш фильм... Эти названия я запомнил на всю жизнь...

Когда мы закончили картину, я еще раз убедился, что был прав, выбрав Юру. Я просто не представлял себе, где еще можно было бы найти такое свежее лицо и такие гигантские актерские возможности, как у него... С этого началась наша серьезная совместная работа. Дальше уже все писалось для Юры...

* * *

Именно на съемках «Своего среди чужих...» Сергей Шакуров познакомился с Богатыревым. Он убежден, что Михалков правильно тогда подобрал к нему ключик.

Психологически подготовил, попросив не обращать внимания на корифеев, не тушеваться. Никакой робости у него не было, убежден Шакуров. На равных всё было... Хотя у Никиты это была первая большая картина. Он собрал абсолютно разных артистов из разных театров. Солоницын – одной школы, Кайдановский – второй, Шакуров – третьей и так далее. И всё это надо было соединить.

А жили они на съемках кибуцем – дружной, большой семьей. Чечня тогда еще была мирной, зажиточной... Население относилось к артистам с любовью, помогало, чем могло. Поэтому те давние съемки вспоминаются сегодня Шакурову как какой-то очень светлый праздник. Хотя и при безумных энергетических затратах у каждого, и при строгом режиме – ведь требовались немалые физические нагрузки. Плюс верховая езда.

Глава 2. Мистическая шапка

Питерский замес ■ Она звалась Татьяна ■ Вальс со стулом ■ «Будьте моей женой!» ■ Занимательная география ■ «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» ■ «Будет Юрка!» ■ Кот на плече ■ «Кто этот белокочан?» ■ Лунный мальчик ■ Не по Сеньке шапка ■ «Ты будешь Мальвиной!» ■ Фатальное соседство

...Сразу оговоримся: эта глава в прошедшем времени. Потому что главной ее героини – Татьяны Васильевны Богатыревой – уже, увы, нет с нами...

...Утопающая в зелени типовая пятиэтажка на далекой окраине Санкт-Петербурга, вдали от его дворцов и мостов... Скромный подъезд хрущобы... Обшарпанные лестничные пролеты... Несколько шагов наверх – и дверь открывает хозяйка – Татьяна Васильевна Богатырева. Она рассказывает, как по этим ступенькам не раз взбегал ее сын – студент, а потом молодой, но уже известный артист... В «красном углу» комнаты – домашний мемориал с его фотографиями. А рядом портреты других, самых близких, дорогих людей в жизни Татьяны Васильевны – дочери Риты, мужа Георгия Андриановича...

Тогда, в начале 2000-х, пережив их, она осталась в этой квартире вместе с Таней – внучкой-студенткой, дочкой Риты. Другой внук – Володя, моряк, – служил в Мурманске.

* * *

Татьяна Васильевна всегда отличалась слабым здоровьем. Пережила две серьезные операции. И призналась мне: теперь все реже накрывает большой гостеприимный стол. А когда-то вся семья собиралась за ним. Звенел смех, звучала музыка, пахло пирогами – она вкусно готовила, выпечка – ее конек. Ведь у нее настоящая рабоче-крестьянская закваска.

Родилась будущая мама артиста 22 декабря 1917 года в деревне Кипрово Бологовского района Калининской области десятым (!) ребенком. Правда, выжили в те трудные времена лишь восемь детей – четыре девочки и четыре мальчика. Поэтому, спасаясь от голода, семья переехала в Питер.

– Квартира на 10-й линии, где я выросла, предназначалась для одиннадцати семей, – вспоминала Татьяна Васильевна. – И там была всего-навсего одна кухня! Представляете, что творилось, когда собирались все хозяйки? Сейчас там осталась жить внучка моей сестры. Жизнь, конечно, была трудная, но кому тогда было легко? Учиться в старших классах считалось роскошью. Прибавив год, пошла работать на знаменитый Козицкий завод – нужно было помогать родителям. А вечерами училась в школе для взрослых...

* * *

Татьяна Васильевна подливает чай и на минутку задумывается:

– У нас в роду вообще-то ни художников, ни актеров не было. Но я очень любила танцевать и в клубной самодеятельности первая была с шестого класса! В Доме культуры имени С. М. Кирова на Большом проспекте танцевала все: венгерку, мазурку, вальс-бостон, венский вальс, танго и многое другое. Тем более кавалеров хватало – Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Как-то забрел туда с товарищами на вечер и курсант Георгий Богатырев. Он изрядно робел, глядя на умопомрачительные па девушек. И начал упорно учиться танцевать – со стулом, чтобы грамотно пригласить приглянувшуюся девушку на тур вальса и не опозориться.

Он был такой влюбленный, – улыбается Татьяна Васильевна. – Все твердил друзьям: лучше ее нет! И вот я пришла к ним на выпускной вечер – и мы так хорошо провели время: танцевали до упаду.

Им было о чем поговорить – ведь Георгий Андрианович тоже оказался из многодетной семьи: рядом с ним росли четыре брата и одна сестра... И тоже, кстати, из деревни – он родился 13 февраля 1914 года в удмуртской деревне Верх-Позимь Боткинского района... У них оказалась идеальная разница в возрасте – три года...

* * *

После двух недель усиленных ухаживаний Георгий Андрианович сделал предложение, а Татьяна Васильевна, подумав, его приняла. Некоторую скоропалительность своего замужества она объясняет тем, что на танцах сразу же заприметила курсанта, взиравшего на нее издали с немим обожанием. А знакомство лишь завершило то, что уже было решено на небесах.

8 октября 1937 года они зарегистрировались в обычном районном ЗАГСе, посидели в кафе – жених, невеста, друг жениха, подружка невесты. И потом для родственников, которых у жениха и невесты набралось пол-Ленинграда, была сыграна веселая свадьба в пятидесятиметровой комнате невесты.

И началась занимательная история с географией.

Сначала супруги уехали по распределению во Владивосток. Потом экскурсанта Богатырева отправили в Ленинград на высшие курсы, потом снова на Дальний Восток, в Находку. Затем он поступает в Военно-морскую академию имени К. Е. Ворошилова.

И тут – война. У Богатырева как слушателя академии – бронь. Академия эвакуируется в Самарканд. Туда и перебирается вся семья. Там Георгий Андрианович заболевает брюшным тифом. Кстати, именно в этом далеком узбекском городе Богатыревы узнали, что такое голод. Впрочем, шла война, и голодала вся страна. Татьяне Васильевне приходилось иногда продавать одежду, чтобы купить хлеб для семьи, – тогда уже появилась на свет Рита, старшая из детей...

* * *

В 1945-м в числе пяти выпускников Георгий Андрианович успешно оканчивает штурманский факультет. И становится настоящим «морским волком».

Его законная акватория теперь – Балтийское море. Они переезжают в Балдарай – живописное местечко, окруженное соснами, в сорока километрах от Риги. Деревянные домики, проселочная «дикая» дорога...

И снова коммуналка. Они получили двадцатипятиметровую комнату в квартире на пятнадцать семей. Георгий Андрианович неделями пропадал в море. Татьяна Васильевна оставалась с дочкой Ритой.

– Но Георгий очень хотел сына, – продолжает Татьяна Васильевна. – А я не беременела два года... Как только у меня задержка, муж всем говорит: «Ну, будет Юрка!» И писал друзьям: «Скоро у нас Юра будет». Хотели только Юру... И наконец я забеременела. Не знаю, что помогло...

Татьяна Васильевна вспоминает март 1947 года:

– Вечером я еще танцевала в клубе с друзьями-офицерами... А в шесть часов утра у меня начались схватки... Муж побежал на базу, и выяснилось, что помочь некому – все в увольнении. Потом все-таки нашли какого-то моряка с грузовиком. Я сижу, жду машину, а муж тем временем от волнения заснул в Главном штабе – так перенервничал! Еле добуди-

лись! Но вот наконец меня доставили по назначению, и я в рижском роддоме... Муж побежал что-то покушать... А я тем временем взяла и родила! Он возвращается, а его все поздравляют: «Георгий Андрианович! С сыночком! Богатырь у вас! Вес – четыре килограмма, рост – пятьдесят один сантиметр!»

И крестили сына там же, в Риге. Тем более что имя было выбрано уже давно...

* * *

Георгий Андрианович был счастлив. Хотя времени для общения с сыном у него было мало – флагманский штурман бригады, потом капитан, он все время проводил в походе, в море. Возвращался домой лишь на короткие побывки. И уже в раннем детстве Юра очень хорошо начал понимать, что такое подводная лодка.

Как во многих тамошних моряцких семьях, в семье Богатыревых сложилась традиция торжественных встреч на причале.

– Мы всегда ходили встречать папу, когда он возвращался домой из похода, – вспоминала Татьяна Васильевна. – Мне сообщал начальник, что, мол, лодка вашего мужа прибывает. Мы шли и кота собой брали. Так и стояли все вместе, всматриваясь в горизонт.

А спустя некоторое время белобрысый четырехлетний Юрик Богатырев уже выступал перед первыми зрителями на вечерах в Военно-морском клубе. Живой, непоседливый, он лихо плясал в матросском костюмчике – и «Яблочко», и «Цыганочку», и «Барыню».

Взрослые дивились:

– Кто этот белокочан?

Татьяна Васильевна гордо отвечала:

– Да это мой сын!

Неизвестно, где юный танцор подсмотрел фигуры танца, но все его движения были точны – и руки шли назад в «Яблочке», и «веревочка» виляла...

Тогда же он начал читать стихи на бис – правда, картавя. «Артист» не выговаривал букву «р». Но однажды увидел очень красивую спелую бруснику – и пристал к взрослым:

– Что это? Блусника?

Те поддразнили. Он же целыми днями заворуженно твердил вслух «блусника, блусника»... Пока не получилась именно «брусника».

* * *

Потом Георгия Андриановича перевели служить в Москву. Вся семья поселилась на Левобережной...

И там родителям пришлось порядком понервничать.

По ночам пятилетний Юра регулярно вставал во сне и ходил по квартире, нарядившись в шелковый халат с черными страусами на голубом фоне. Картину завершала мамина шляпа с пером, вуалькой и мушками. Потом все аккуратно снимал и как ни в чем не бывало ложился спать дальше.

– Ведь как аккуратно вешал халат на место! – поражалась Татьяна Васильевна. – Кочерга стояла рядом с халатом и не падала! Мы в таких случаях его никогда не будили... Потом только спросим:

– Ты помнишь?

– Нет.

Отец, конечно, боялся за него – форточка же была открыта... С годами этот лунатизм как-то сам собой прошел... Но осталась более серьезная проблема, о которой мало кто подозревал: после скарлатины, перенесенной в детстве, у него развилось осложнение – порок

сердца. Эта болезнь долго не давала о себе знать, только после смерти отца, которую Юра очень тяжело пережил, возобновилась с новой силой...

* * *

Кем мог стать Юрий, если бы не стал артистом? Татьяна Васильевна говорит, что с первого класса в его дневнике красовались одни пятерки, чем мама очень гордилась. А он ужасно хотел быть как папа – моряком. А где «делают» моряков? Конечно, в Нахимовском училище. Набор – в четвертом классе.

Поэтому, когда Юре стукнуло десять лет, его отправили в Питер – поступать в Нахимовское. Причем одного. Там его встретил один из многочисленных дядей и лично привел в училище. Юра поступил.

Спустя некоторое время дядя зашел его проведать:

- Где мой племянник?
- Богатырев? Да в лазарете он.
- Что случилось?
- У него понос и рвота.

Оказалось, мальчик заболел на нервной почве. Отличник Юра прежде никогда из дома не уезжал. А тут такой стресс. Плюс нервотрепка на экзаменах, а еще у него куда-то пропали шапка и носки. Кто-то из мальчишек стащил – решили так подшутить над новичком. А на дворе уже гремел питерский ноябрьский мороз...

Юра тогда твердо заявил дяде:

- Я возвращаюсь домой!

* * *

7 ноября в квартире Богатыревых, как всегда, собрались гости за праздничным столом. Татьяна Васильевна помнит даже теперь, что сварила холодец плюс разносолы – тогда ведь гуляли ноябрьские серьезно, по три дня. Пришли сослуживцы Георгия Андриановича, его друзья. И все почему-то стали пенять хозяину: зачем, мол, отдал Юрочку в Нахимовское училище?

Георгий Андрианович расстроился.

Татьяна Васильевна решила подбодрить мужа:

- Да не плачь! Юра вернется!

И тут вдруг, как в сказке, открывается дверь, и на пороге Юра – худой, без шапки, счастливый и расстроенный одновременно. И главное – очень самостоятельный: уехал один и приехал один...

С того дня мечту о море у него как отрезало. Он понял, что через казарму пройти не сможет.

– Если бы не украли эту злополучную шапку и носки, – вздыхает Татьяна Васильевна, – судьба у него, может, со всем по-другому сложилась бы...

И вспоминает, что его всегда дразнили «девчоночником».

* * *

Дружил он почти исключительно с девочками. Причем творчески. Так, уже в Москве, на Левобережной, придумал для подружек «кукольный театр» во дворе – в беседке, обвитой хмелем. Там стоял столик-сцена, шторы играли роль занавеса.

Сам всем руководил: сшил платья куклам из маминых халатов, распределил среди девочек роли: «Ты – Мальвина, ты – лиса Алиса, ты – Буратино». Дворовые «артисты» и их мамы с нетерпением ждали, когда «режиссер» вернется из школы и откроет свой «театр». А уж какие аплодисменты устраивали после «премьер»!

Тем не менее дорога «в артисты» оказалась совсем не прямой. Потому что, помимо сцены, его безумно привлекала живопись.

– У нас была соседка, пожилая художница, – вспоминала Татьяна Васильевна. – У нее Юра просиживал допоздна, наблюдая, как она делает батик. Получались на ткани такие красивые цветы – розы, гвоздики, астры... Юра просто влюбился в нее. Просиживал часами, рисовал, рисовал – с детства это у него очень хорошо получалось. И одновременно мучился размышлениями о будущем.

Он действительно не знал, кем быть – художником или артистом. Мы с отцом говорили: «Юра, кем хочешь – тем и будь». И вот он поступил в Художественное училище имени М. И. Калинина... Но как оказалось, выбор этот был не окончательным...

Глава 3. Свой среди своих

Заразная живопись ■ Бедный Юрик ■ Лесные таланты ■ Кукольные гастролеры ■ «Покажи певицу!» ■ Смешинка – это серьезно ■ Неожиданный Маяковский ■ Ленинградские посиделки ■ Две бутылки на десятерых ■ «Как денди лондонский...» ■ Дискотеки с боем ■ Дистанция огромного размера

Художник или артист? Казалось бы, выбор сделан – Юрий поступает в художественное училище. Но сомнения продолжают его терзать. Спустя много лет он поймет и признается в одном интервью: «Чтобы по-настоящему заниматься живописью, надо посвятить этому всю жизнь, целиком».

Оказывается, он был к этому не готов.

«Поэтому я никогда не стану профессиональным художником. Для меня рисование – увлечение, которое появилось в моей жизни очень давно и к которому я отношусь достаточно серьезно».

Такое трепетное отношение к изобразительному искусству сложилось у него еще со школьных лет – во многом благодаря усилиям школьного учителя рисования – Владимира Ильича Тарасова.

О нем он будет вспоминать с благодарностью и любовью. Но... вместо положенных пяти лет он проучился на художника только три года. Театр победил окончательно. Но не сразу.

* * *

Тинейджером, как известно, всегда не хватает денег на карманные расходы. Гордый Юрий предпочитал не клянчить у родителей, а подрабатывать на археологических раскопках. Там зарисовывал для ученых найденные «сокровища» – остатки женских украшений, монеты, черепки от глиняной посуды...

Из одной такой экспедиции он привез домой... настоящий человеческий череп. Сестра Рита, учившаяся на стоматолога, сначала ахнула, а затем весьма практично использовала это «учебное пособие» для подготовки к экзаменам в институте. Тогда же на самостоятельно заработанные деньги Юрий сделал первые самостоятельные покупки: купил нейлоновый коричневый плащ. Но будущее с археологией все-таки не связывал. Когда в дом приходили гости – его всегда просили почитать стихи, попеть. Он никогда не отказывался – воспринимал это как очередную репетицию.

* * *

...Живописный лес за подмосковным Тучковым. Разрытый курган. Многочисленные палатки археологов вокруг. Именно здесь произошла судьбоносная для четырнадцатилетнего Юрия встреча. В соседних с ним палатках оказались мальчики и девочки из детского кукольного театра Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах. Послушаем одного из них.

Александр Нестеров, филолог-переводчик:

– Наше знакомство с Юрой состоялось летом в начале 60-х годов. Он был тогда студентом художественного училища и каждый сезон работал в археологической экспедиции в Подмосковье, старательно зарисовывая все, что там обнаруживали ученые, – бусины,

осколки сосудов, остатки древнего оружия... Каждый день в составе взрослой бригады археологов Юра ходил на холм, где велись раскопки. Какой студент не воспользуется возможностью подработать? Тем более такое красивое место под Москвой.

А недалеко от этого холма раскопок был разбит летний лесной лагерь московского Дворца пионеров и школьников. Маленькие палатки, несколько деревянных строений – там помещались кухня и какие-то подсобные помещения. Этот лагерь существовал несколько лет и пользовался огромной популярностью у ребят. Вместе с детьми самого разного возраста туда выезжали и руководители коллективов. Они могли в это время общаться со своими подопечными более тесно, чем зимой, когда встречались на занятиях два-три раза в неделю. В лагере кипела бурная деятельность. Кто-то из ребят конструировал там технические модели – самолеты, катера, кто-то занимался радиodelом, фотографией, шахматами...

Я тогда занимался в кукольном театре. И мы отправлялись в этот лагерь не только чтобы отдохнуть, но и репетировать, выступать. Наша небольшая бригада ездила с куклами по близлежащим пионерским лагерям и давала там концерты. Этим, кстати, мы и отличались от других ребят.

У наших ребят в лагере открылись разнообразные таланты. Кто-то вдруг начал играть на музыкальном инструменте – баяне или гитаре. Кто-то из девушек вдруг стал петь. А в кукольных спектаклях мы использовали в основном элементарные, так называемые «перчаточные куклы». И у нас сложился, по сути, целый маленький спектакль из отдельных номеров, в основном юмористических и сатирических.

Например, помню, была у нас красивая кукла – пародия на известную певицу. Довольно сложное устройство внутри – наклонялась голова, открывались и поворачивались глазки, растягивались в улыбке пухлые губы, двигались руки, ноги... Наш кукольный концерт был дан и для обитателей лагеря. Мы хотели, чтобы все знали, на что способны.

А еще мы дежурили на раскопках по определенному расписанию. И кстати говоря, ходили туда с восторгом – было действительно интересно. К тому же сразу по приезде ученые нам устроили подробную лекцию о том, что это за поселение.

И вот наши репетиции с куклами привлекли внимание молодого студента-художника. Именно та самая сложная кукла, изображающая певицу, и вызвала тогда у Юры живой интерес. Увидев маленький концерт в нашем подшефном лагере, он очень заинтересовался. После окончания концерта Юра подошел ко мне и попросил разрешения посмотреть поближе куклу: «Покажи!» Я показал. Он взял в руки куклу, было видно, что ему страшно интересно – за что держать, как надо двигать, чтобы поворачивалась голова...

Так я познакомился с Юрой Богатыревым. Потом уже он показал нам свои рисунки. Мне тоже было очень интересно встретить настоящего художника – хоть и будущего. Каждый день мы встречались и разговаривали. А в сентябре, когда лето кончилось, начались занятия в школе и по кружкам, Юра пришел к нам, к руководителю нашего кружка Владимиру Михайловичу Штейну, выдающемуся деятелю искусства, многогранной личности, у которого сложилось свое представление о возможностях кукольного театра вообще и детского в частности. И его спектакли серьезно отличались от традиционных работ кукольников.

* * *

– Помню наши разговоры с ним той поры, – продолжает Нестеров. – Они в основном касались его будущей профессии – живописи. Тогда он еще видел себя художником. И даже рисовал эскизы к некоторым нашим спектаклям. Они, кстати, были вовсе не детские. Мы же выросли, и наш руководитель совершил переход от детских спектаклей типа «По щучьему велению», «Кошкин дом» к более серьезным постановкам. Может быть, это было

веянием времени, не знаю... У нас стали ставиться пародийные сатирические мини-спектакли. Среди тогдашних авторов детского кукольного театра оказался и Марк Розовский. Мы ставили номера на его тексты. И Юра тут оказался очень нужен. И в спектакле по басням украинского писателя Феликса Кривина Юра тоже участвовал в качестве кукловода.

Но у него иногда возникала «техническая» проблема – попадала «смешинка в рот». Причем он так заразительно смеялся! Во время репетиций еще куда ни шло. Но во время спектакля это же невозможно! Там требовалась стопроцентная серьезность по отношению ко всему происходящему и перед ширмой, и за ширмой. Требовались тишина и внимание. А Юра каждый раз, давясь от смеха, что-то изображал. У нас с ним получалось много смешных номеров, но ему приходилось постоянно сдерживаться. Поэтому я понимал, что он все-таки не кукольник.

Тогда еще он только присматривался. Ждал своего часа... Если мы что-то пели – подпевал... И час этот наступил.

* * *

Штейн решил ставить спектакль по стихам Владимира Маяковского. И Юру выбрал ведущим. Начались серьезные репетиции.

Юра очень хорошо выглядел, выразительно декламировал, четко двигался. Но он еще не умел читать текстов в определенной сценической стилистике, тем более осознанно двигаться на сцене.

Начался процесс обучения. Мы занимались и друг с другом, и по отдельности. Нельзя сказать, что у Юры все получалось легко и сразу. Вовсе нет. Многие вещи давались ему с большим трудом. Но Штейн видел, что у Юры получается все же лучше, чем у тех ребят, которые уже давно занимались, у которых были поставлены голоса, дикция, движение. Они знали цель спектакля, чувствовали драматургию... Тем не менее на главную роль он выбрал его – неопытного парня, который многое на сцене еще не знал, не умел.

Юра сначала отчаивался от того, что многое у него не получается. Стоял в уголке и грыз ногти, выслушивая критические замечания Штейна, который был достаточно строгий педагог. Творческая дисциплина была для него обязательна.

А задача для Юры была поставлена непростая, интересная – артист из-за ширмы от участников спектакля выходил к зрителю... И наоборот... Такое постоянное перевоплощение. Это необычно для кукольного представления – ведущий находился то на сцене перед зрителями у ширмы, то за самой ширмой.

Тем более что оригинально были подобраны и стихи. Напомню, что тогда многие произведения Маяковского проходили в школе. Само имя поэта не вызывало особого восторга. Но Штейн предложил малоизвестные стихи, которые совсем не ассоциировались с расхожим представлением о поэте и вызывали живой интерес, а не хрестоматийную скуку.

Соответственно и ведущий должен был интриговать, привлекать внимание. С другой стороны, в его обязанности входило и вплетение в канву «верноподданного» стишка, чтобы спектакль разрешили показывать, – например, патриотических «Стихов о советском паспорте». И Юра с этой двойной задачей блестяще справлялся.

* * *

Нестеров считает, что, возможно, именно тогда и родилось у Юрия желание изменить будущую профессию.

– Мне кажется, что именно в тот период у него произошла переориентация интересов с живописного творчества на творчество театрально-художественное. А до этого необходи-

мости что-то менять не было. Он же прекрасно рисовал, учился в серьезном художественном училище. Но у него появились серьезные внутренние причины на этот шаг.

Во-первых, Юра оказался под мудрым творческим руководством. Владимир Михайлович Штейн никогда не был ограничен чисто «кукольными» интересами.

Во-вторых, у нас было активное «культурное» общение друг с другом. Мы вместе ходили в театры, в кино, на концерты. Каждый год на зимние каникулы ездили в Ленинград – проводили целые дни в самых серьезных и знаменитых музеях. А вечером разговаривали об искусстве.

Штейн, конечно, знал намного больше нас, и свои педагогические акции проводил очень ненавязчиво. Получалось как бы само собой, что вечером мы обсуждаем увиденное днем в музеях.

Так Юра оказался под чутким и строгим руководством замечательного педагога, который за короткий промежуток времени сумел научить способного парня читать стихи, прозу, правильно двигаться на сцене, преодолевать стеснение... Именно Владимир Михайлович открыл ему, что он может быть артистом...

Хотя не все шло гладко, сбой у него случались. В спектакле по стихам Маяковского он иногда убегал не в том направлении. Мы стоим за ширмой и ждем, когда он скажет положенные слова и аккуратно уйдет за кулисы, чтобы нам начать свое действие. А он совсем не туда идет. И ничуть не переживает – напротив, все это вызывает у него приступы веселья. Но каких-то серьезных провалов у него не было.

* * *

Нестеров ностальгически вспоминает о том времени:

– Наш коллектив «Глобус» был очень яркий, хотя и небольшой – около пятнадцати человек. Кто-то уходил, поступая в институт, кто-то приводил новеньких... Но особенность нашего театра была в том, что нас всех связывала тесная дружба.

Мы много общались. Хотя времена для этого были не самые удачные. Возможности для встреч были весьма ограниченные. Мало кто из нас жил в отдельной квартире, жили в основном в коммуналках. Мы часто собирались дома у наших девочек – у Греты Аснис, Нины Турчак, Тани Майдель, ее одноклассницы Нели Якубовой. Устраивали вечера вскладчину: две бутылки вина на десять человек, винегрет. Неля всегда приносила что-нибудь вкусное – например, печенье, сделанное своими руками по татарскому рецепту. И эта вечеринка – в квартире с соседями: надо вести себя достаточно тихо, чтобы не вызвать их неудовольствия. А хотелось и потанцевать, и попеть.

Ведь дискотек тогда просто не существовало, – вспоминает Нестеров. – Если во Дворце пионеров устраивали танцы, то коллективы, которые занимались там, должны были выделить здоровых парней-дружинников на охрану входа, потому что люди рвались на танцы как сумасшедшие. И Юра тоже зачастую стоял в оцеплении. Он, как и все, подежурит, а потом сам сходит потанцевать...

* * *

Каким он был тогда?

Александр Нестеров задумывается:

– Открытый, веселый человек. И достаточно заводной. Это потом уже стал более скрытым. Влияние среды, возможно. А когда мы общались – этого вовсе не было.

Хотя с другой стороны... Бывают люди, которые всем рассказывают о своих влюбленностях. А есть такие, которые полагают, что не следует этого делать. Он был из числа

последних. Наверное, у него были увлечения, но он не откровенничал с нами, никому не поверял свои личные проблемы. И в памяти у меня осталась только очень приятная сторона общения с ним – чисто дружески-творческая... А может, все дело было в том, что все-таки мы были еще школьниками, а он – студентом. И выглядел иначе. Следил за модой – завел себе костюм, носил рубашку с галстуком. Узнал, где находится хорошая парикмахерская, и был всегда аккуратно пострижен.

Главное – он был не пустой. Его начитанность, определенный уровень культуры были видны сразу. Но никогда не стремился показать свое превосходство в чем бы то ни было. К тому же он понимал тогда, что любые амбиции в нашей компании вызовут только иронию. А несколько ребят нашего круга могли шутить очень изощренно... И Юра не рисковал подставлять себя под шквал дружеской, но нещадной критики.

* * *

Александр Нестеров окончил школу, поступил в Институт иностранных языков, затем поехал учиться за границу.

– И наше с Юрой общение прервалось... И вот в один из коротких летних приездов в Москву я оказываюсь на тогдашней улице Кирова (ныне Мясницкой) у Главпочтамта. Смотрю, кто-то знакомый идет навстречу, выступая чересчур горделиво. Юра! Уже студент Щукинского училища, он шел в сопровождении двух сокурсниц. Он был совсем другой. У него даже осанка изменилась. Мы немного поболтали.

А следующая наша встреча состоялась уже после того, как я вернулся в Москву после учебы и службы в армии. Юра стал уже достаточно известным артистом. Мы с товарищем собрались в кино, в новый кинотеатр. Я даже не знал, как фильм называется. И, увидев Юру на экране (это оказался «Свой среди чужих, чужой среди своих» Никиты Михалкова), изумился, вспомнив его первые шаги на сцене. Скачок колоссальный. Впоследствии, посмотрев его работы в «Современнике», я еще раз в этом убедился. Я видел огромную разницу между тем, каким он был в начале своей актерской карьеры, и тем, каким он стал спустя шесть лет...

Воспитанный друг корректно соблюдал дистанцию:

– Я никогда не пытался прорваться к нему за кулисы и напомнить о себе. Мне рассказывали, какая у него непростая жизнь. И мне казалось, что не стоит лишний раз отвлекать человека на всякие мелочи. Вокруг большого артиста и так много людей... И я не стремился к общению с ним, как некоторые наши общие друзья, которые шли за кулисы и передавали ему от меня приветы. На мой взгляд, надо было немножко пощадить его.

Я считаю, что крупный актер – достаточно сложно организованный и функционирующий организм, в котором и физическая, и эмоциональная, и духовная жизни тесно переплетены и существуют в постоянном напряжении... А поклонников и поклонниц Юре и так хватало.

Глава 4. Кукольный дом

Как у Шекспира ■ Спят курганы тихие... ■ «Можно, я приду?» ■ «Шинель» Петровича ■ Библейские сюжеты ■ Паника, радость, отчаяние ■ Книжный запой ■ От Оки до Мещеры ■ Оберег на удачу ■ Против Станиславского ■ Клюквенная кровь ■ Улыбка лягушонка ■ Оазис творчества ■ Колечко на счастье ■ «Куклы могут все!» ■ Юрис играет Штрауса ■ Небритый, но довольный ■ Арийский типаж ■ Тайный враг

В начале 2000-х я сидела в кабинете главного кукольного волшебника с печальными глазами – в Театре детской книги «Волшебная лампа» у Сретенских ворот. Слушала неторопливую речь заслуженного артиста Республики Башкортостан, художественного руководителя Театра детской книги «Волшебная лампа» Владимира Штейна. Юру Богатырева он запомнил очень хорошо. А буквально через полгода Штейна не стало. Вот что он успел мне тогда рассказать:

– В начале 60-х у меня уже был свой детский кукольный театр: сначала при Дворце пионеров в переулке Стопани, затем мы переехали во Дворец пионеров на Ленинских горах, – вспоминал Владимир Михайлович. – Причем наш коллектив был даже не детский, а скорее молодежный. И назывался наш театр-студия «Глобус» – как у Шекспира. Мы были уже довольно знамениты и уже играли на престижных театральных площадках – в ЦДРИ, Доме актера, Библиотеке имени Ленина, Доме культуры МГУ.

И тогда же, летом, мы стали ходить в длительные походы. И брали с собой наш складной кукольный театр. Там мы не только отдыхали, но и показывали в деревнях и селах наши спектакли, причем под музыкальное сопровождение – с нами был юный баянист Витя Коровов.

А в 1962 году Дворец пионеров организовал под Москвой тренировочный лагерь для всех туристов – и «водников», и пеших. Мы жили в палатках, грелись у своей самодельной печки. А рядом с нами оказались члены археологической экспедиции, которая раскапывала курганы – скифские поселения. Мы показали этим археологам, среди которых оказался и Юра Богатырев, тогда студент художественного училища, свои спектакли.

* * *

Помнится, идет наш спектакль-концерт. Юра сидел на траве – такой громадный, с большими, как лопаты, ручищами, невероятно обаятельный. И жутко смеялся по любому поводу. Все ему очень нравилось. А в конце представления он взял кукол и начал ими «работать». Затем подошел ко мне и серьезно спросил: «Владимир Михайлович! А можно, осенью я приду к вам заниматься?»

Парень с такой фактурой, с такой потрясающей внешностью, голосом, обаянием... Конечно, вопросов не было, я сказал: «Приходи».

И он пришел. И занимался в нашей студии четыре года. Во многих кукольных спектаклях играл, был очень талантливый. Правда, я не так подробно помню его кукольные роли, потому что это были, скорее, эдакие интеллектуальные капустники. Но вот его портного Петровича из «Шинели» по Гоголю помню до сих пор... Он сыграл его неожиданно гротескно...

Но наиболее ярко он работал в спектакле по Маяковскому. Причем «живьем» – был ведущим, «молодым Маяковским», читал стихи. Он был чрезвычайно убедителен, читая «Историю Власа – лентяя и лоботряса», «Шесть монахинь», «Прозаседавшихся», «Блек энд

уайт» – весь этот советский набор назывался «С рифмой наперевес». Кстати, с точки зрения кукольной профессии подборка стихов не совсем обычная...

* * *

– В основном мы играли такие спектакли-концерты, – вспоминал Штейн. – В них трудно выразиться актеру – у каждого лишь отдельные «номера». Например, был у нас спектакль, который назывался «С божьей помощью». Писатель с Западной Украины Феликс Кривин выпустил несколько сборников очень смешных маленьких рассказиков. И среди них – сборник анекдотов на библейские темы. Он брал библейские сюжеты и переиначивал их на современный лад. И мы из них сделали целый спектакль.

Показывали мы свои работы в школах, в институтах, в домах творческой интеллигенции. В то время наш театр просто гремел. Мы были почти знаменитостями.

А Юра... Мне стало очевидно сразу, что из него не получится артиста кукольного театра. Но я был, наверное, не самый плохой театральный педагог. И ему у нас показалось интересно. Мы делали очень нестандартные для кукольного театра вещи: ставили Маяковского, Гоголя, Федерико Гарсиа Лорку, «Дневник Анны Франк», «Белый пароход» Чингиза Айтматова, «Капитанскую дочку» Александра Пушкина. То, что не принято было делать в кукольном театре. Я всегда старался работать с большой, серьезной литературой. И Юру это привлекало.

И уже тогда он проявлял качества профессионала. Он был очень ответствен. Мог меняться внутри одной роли, импровизировать. А так как он был еще и художник, то начинал с того, что рисовал своего героя. У меня долгое время хранились его эскизы.

Я запомнил непосредственность его реакций. Он мгновенно на все откликнулся: мгновенно впадал в панику или, наоборот, в бурную радость, когда менялось его настроение, когда случалось что-то смешное... Эмоции не прятал в себе.

* * *

Штейн задумывается. И продолжает:

– Уже тогда Юра был совсем не похож на наших ребят – он очень быстро понял свое предназначение в жизни. В нашей студии артистами хотели быть все, но стали единицы – например, Алик Черетянский, который после десятого класса с моими куклами пришел к Сергею Владимировичу Образцову, показался там – и его приняли. Саша Бродецкий сейчас режиссер, преподает в театральной школе. Лена Плотникова окончила режиссерский факультет и ныне руководит кукольным театром в том же Дворце пионеров.

Но артистов не так много вышло, хотя многие из ребят стали замечательными педагогами. Настоящим актером стал только Юра, который был по-особенному целеустремлен. К тому же он был очень начитанный мальчик. Читал буквально запоем и очень разное. Часто брал у меня книги, особенно просил издания по театру...

Его у нас в студии очень любили. Хотя по характеру Юра был не очень-то открытый человек, скорее «внутренний», сосредоточенный в себе. Он не слишком подпускал к себе людей, держал на расстоянии даже товарищей.

Но ему все-таки повезло с друзьями. Тогда вокруг студии сложилась своя тусовка – замечательная компания старшеклассников. Почти все свободное время они проводили у нас в театре. Да и потом старались бывать везде вместе. Каждый год мы ходили в походы, причем далекие. У нас было пять больших «экспедиций», по месяцу каждая. Мы разрабатывали дальние маршруты. Скажем, первый – по Оке от Серпухова до Калуги. Шли по берегу, с палатками, с рюкзаками, набитыми консервами...

Второй поход был по Мещере от Гусь-Хрустального до Рязани, третий – по Десне от Брянска до Киева. И во всех Юра участвовал.

Вообще он был очень спортивным мальчиком. У меня было два таких богатыря – Саша Нестеров, ставший впоследствии крупным филологом-германистом, и Юра. Именно они носили на себе наш театр – ширму-чемодан. Ездили мы и «на гастролы» за границу, в Чехословакию, – и Юра тоже.

* * *

– Он уже тогда понимал, чего хотел, – продолжает Штейн. – Как-то подошел ко мне и сказал, что хочет поступать в театральный вуз. Я отнесся с пониманием, помог ему подготовиться к экзаменам. Он читал мне свою программу для поступления. Кажется, это был Гоголь – «Мертвые души». Сонеты Шекспира. Басни Крылова. Стихи Маяковского из нашего спектакля. У него было несколько разнообразных чтецких программ. Интересно, что он взял с собой на экзамен в Щукинское училище куклу... И поступил к Юрию Васильевичу Катину-Ярцеву.

Мы и потом поддерживали с Юрой отношения. Он регулярно приходил ко мне в театр, приглашал меня на все свои студенческие спектакли. После очередного экзамена мы всегда долго гуляли по Арбату, и я рассказывал ему свои впечатления.

* * *

Штейн считает, что «до конца» Юрия понимал лишь Никита Михалков, увидевший в нем и Штольца («Несколько дней из жизни И. И. Обломова». – *Н. Б.*), и Шилова («Свой среди чужих, чужой среди своих». – *Н. Б.*).

– Михалков попал под обаяние его фактуры, его характера. Я, конечно, видел все фильмы с его участием. Особенно меня поразил «Свой среди чужих...». Помню, сразу после просмотра позвонил, поделился впечатлениями. Юра замечательно сыграл и Штольца в фильме Михалкова «Обломов». Особенно сцену прощания с отцом, когда молодого Штольца отправляют учиться в гимназию. Это было сделано грандиозно. У Михалкова всегда в фильмах случаются неожиданные взрывы действия, наполненные криками, музыкой. На этот раз получилась такая «симфоническая картинка для Юры с оркестром». Совершенно блестящая сцена.

Но почему-то из Юриных киноработ, – продолжает Штейн, – мне больше всего запомнился его Манилов в телевизионном фильме по «Мертвым душам» Гоголя. Александр Калягин там играл Чичикова. А Богатырев – Манилова. Юра же был очень красив. И как художник, он в этом фильме спародировал свою красоту. И кстати, работал он там очень «по кукольному».

Чем отличается артист кукольного театра от артиста драматического?

Станиславский говорил, что актер в драматическом театре должен играть по схеме: «я» в предлагаемых обстоятельствах. Но в кукольном театре так не получится. Там артист работает по схеме: «он» в предлагаемых обстоятельствах. Артист должен наблюдать за тем, что держит в руках.

Это очень интеллектуальное творчество. Оно предполагает некую отстраненность создателя от своего творения. Не зря же Пушкин удивлялся когда-то своей героине: какую шутку выкинула моя Татьяна – вышла замуж за генерала!

И такой «авторский» взгляд со стороны на свое создание, мне кажется, присутствует в Манилове Богатырева. Там не было этого «я» в предлагаемых обстоятельствах. Там был точно придуманный Богатыревым (или режиссером Швейцером) образ. Богатыревского

Манилова приводит в восторг буквально все – любая букашка или цветочек. И артист, как художник, получал от этого удовольствие.

* * *

Последний раз учитель разговаривал с бывшим учеником после фильма «Родня».

– Мне понравилась его работа на грани гротеска. Он же все время именно так играет. И даже в драматических ролях вроде Шилова. В этом сказалась его «кукольная кровь». Ведь артист-кукольник должен передавать самые яркие, характерные черты своего персонажа, иногда сознательно утрируя.

Юра прекрасно знал эти «кукольные» законы. Он ведь всегда живо интересовался моей работой. И часто бывал на наших спектаклях. Я тогда поставил в театре под руководством Образцова сказку «Солдат и ведьма» – этим спектаклем открывалось новое здание театра на Садово-Самотечной улице. Юра и другие ребята – все дружно пришли на премьеру...

Режиссер задумывается.

– Не думаю, что я был для него настоящим учителем. Учителем Юры, скорее всего, был замечательный педагог и великолепный актер Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Но его поиски в актерском творчестве во многом связаны с тем, что он делал у нас. Именно после прихода к нам он стал всерьез думать о профессии актера. И наверное, в этом я ему немного помог... Жаль только, что я надолго уехал из Москвы в Башкирию, и наша связь на десять лет прервалась...

* * *

– Во Дворце пионеров занималось много ребят, у которых также могло бы быть очень яркое театральное будущее, – добавляет вдова Владимира Штейна, ныне художественный руководитель театра «Волшебная лампа» Марина Грибанова. – Но, увы... Жизнь у всех сложилась по-разному, хотя из наших ребят получились очень хорошие люди. Юре повезло больше. Я запомнила его молодым, красивым, добрым, настоящим великаном. Его большой рот всегда улыбался, как у доброго лягушонка. Невероятно обаятельный – с первой минуты.

Он был не только очень хороший актер, но и интересный художник – у меня до сих пор хранятся его рисунки. Конечно, если бы он не попал в театральную среду, был бы профессиональным художником. Мы его «совратили» театром.

Но... Напомню, что он тогда учился на художника по коврам. Что его ждало? В лучшем случае он делал бы ковры у себя в мастерской. В худшем – работал бы на Люберецкой ковровой фабрике. Вот что его ждало и, скорее всего, порядочная нищета. А он стал знаменитым артистом...

* * *

Еще одна ученица Владимира Штейна – Елена Плотникова – сегодня занимает кресло, которое занимал когда-то Штейн: Елена руководит студией Театра кукол Дворца творчества детей и юношества на Воробьевых горах. Но те давние события прекрасно помнит:

– Владимир Михайлович Штейн увидел меня на городском кукольном фестивале в детском коллективе пионеров. Я там показывала номер с Петрушкой, псом Тузиком и с Котом. Мое выступление его заинтересовало. Так я пришла в Театр-студию городского Дворца пионеров и школьников – чуть раньше, чем Юрий Богатырев.

Тогда Владимир Михайлович был очень молод, не намного старше нас. А наша группа считалась молодежной – нам было лет по пятнадцать – шестнадцать.

Я ни секунды не сомневалась, идти ли к Штейну, – обстановка в студии была удивительная. Она просто притягивала всех думающих людей.

В то время у молодежи была жажда общения на высоком интеллектуальном и культурном уровне, все испытывали дефицит такого общения. И искали особое место, где можно было бы встречаться и разговаривать. Наша студия и стала одним из таких оазисов. Поэтому когда Юра познакомился с нами, то у него также возникло желание влиться в наш коллектив.

* * *

Впервые она увидела его в Тучкове.

– Это было летом, – вспоминает Елена. – Там раскинулся палаточный городок, в котором мы жили и готовились к будущей гастрольной поездке. Там же работала и археологическая экспедиция. Помнится, мы с Сашей Нестеровым нашли тогда «клад» – кольцо-проводу. А Юра как раз работал в этой экспедиции – зарисовывал находки.

И вот однажды он пришел на наш концерт. Я делала тогда два номера с куклами. Номера были очень детские, простые. Но почему-то они больше всего привлекли его внимание. Юра уверял меня – и не раз! – что они не такие простые. Что-то он увидел в этом особенное. И потом сказал, что тоже хочет заняться кукольным театром.

С этого момента, можно сказать, и началась его актерская биография.

– По-моему, это не случайно, – размышляет Плотникова. – В Юре всегда жило что-то детское, какое-то особое ожидание радости, чуда. К театру он относился так же, как дети – к куклам. Он был очень добрый человек. Ни разу ни о ком не сказал ни единого нелицеприятного слова. Всегда ко всем относился с большим интересом и доброжелательностью. И мы это на себе испытывали.

Кстати, он гордился «кукольным» началом своей творческой биографии. Всегда говорил: «Начинал я во Дворце пионеров, в театре кукол». И вспоминал с нежностью это время...

У нас был необыкновенный кукольный театр. Например, мы участвовали в устных выпусках журналов в Доме актера (тогда еще не сгоревшем). Там собирались художники, режиссеры, актеры театров. Это были очень интересные вечера. На эти устные выпуски было трудно попасть – битком набивался зал, люди стояли во всех проходах. А нас туда часто приглашали выступать, потому что у нашего руководителя Владимира Михайловича Штейна было кредо: «Куклы могут все».

* * *

– Юра стал активно у нас работать, – продолжает Плотникова. – Помню его ведущим поэтических программ – по Маяковскому, например. А еще ему очень импонировал номер «Диспут», придуманный Марком Розовским. Юре очень нравилось играть в нем ученика Трепаченкова. А моя героиня Джульетткина там говорила о любви...

Мы впервые делали этот номер с не совсем обычными куклами. У нас были особые мимирующие куклы, у которых могло меняться выражение лица, была мягкая мимика. Это открытие Сергея Образцова для многих стало откровением.

И вот наша художница Марина Грибанова сделала из поролонки очень смешных кукол. И Юра с восторгом брал их в руки! Я смотрела, как он «осваивает» этих кукол, и понимала, что ему гораздо больше нравится играть ученика Трепаченкова, чем быть ведущим в поэтическом спектакле.

Этот спектакль мы возили даже на гастроли. Помню, как-то зимой ездили в Прибалтику на каникулы. И там Юре тоже довелось играть... Кстати, тогда я не знала, что он родился и когда-то жил в Риге. Юра нам рассказал кое-что – скупое, буквально в нескольких фразах. Помню, там он называл себя Юрис, пел нам почему-то вальс Штрауса – играл на фортепьяно и пел.

А потом мы с нашим «Диспутом» и с этими мимирующими куклами выступали на телевидении. Был «живой» эфир – вечер сатириков в телевизионном театре на площади Журавлева. И Юра снова играл и Трепаченкова, и ведущего, который объявлял номера, например: «Выступает ученик Трепаченков», «Выступает ученик Самокопаев», «...ученица Джульеткина». И при этом успевал еще и с куклой поработать. Что технически было не так-то просто...

* * *

Юра великолепно держался, и его очень хорошо принимали. Вообще он был очень одаренный. Прекрасная внешность, отличный голос, замечательная дикция, музыкальность. Когда он пришел к нам заниматься, выяснилось, что он играет на фортепьяно. Потом мы узнали, что он учится на художника. Мы даже как-то ездили к нему в училище на какую-то встречу... И он показывал нам там театральные кукол...

А потом мы поняли, что он думает о перемене профессии. Это как-то само собой получилось. Видимо, внутренне у него все шло к этому решению – оставить живопись, уйти в театр. Может, как раз потому, что заниматься в студии действительно было очень интересно. Атмосфера у нас была творческая. Конечно, благодаря нашему руководителю, который недаром учился у Образцова на Высших режиссерских курсах и работал в театре Образцова режиссером. Потом Владимир Михайлович Штейн стал одним из ведущих в стране режиссеров театра кукол. А тогда он много экспериментировал, искал. И конечно, Юре как художнику это было очень интересно – студийные эксперименты, поиски формы...

* * *

После того как Юра поступил в Щукинское училище, он к нам часто заходил, интересовался новостями. Помню, когда он только пробовал сниматься, то пришел к нам на занятия рассказать, как прошли пробы. Он сказал, что ему все очень понравилось и что он подходит для роли: режиссеру требуется такой светлый типаж – глаза, волосы, кожа...

Одно время мы довольно часто пересекались с ним в книжном магазине «Дружба» на улице Горького. Он туда регулярно заходил за хорошими альбомами по искусству.

Помню, как была поражена, встретив его однажды в этом магазине. Юра всегда был аккуратен, подтянут, очень элегантно одет. А тут я его даже не сразу узнала – какой-то худой, небритый, заросший, неопрятный... Сказал, что только что приехал из экспедиции и забегал за книгой по живописи, которую он ждал. Как потом узнала, он тогда снимался в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих» – фильме, который и принес ему широкую известность...

Последний раз я встретила его в метро. Мы поздоровались на перроне. Он сказал:

– У меня все хорошо... Но есть один человек, который меня ненавидит... А так у меня со всеми прекрасные отношения...

Глава 5. Они шагают по Москве

Янтарный браслет ■ От Бродского до Высоцкого ■ Танцы до упаду ■ Винегрет – лучшая закуска ■ Ноги вверх ■ Многоуважаемый шкаф ■ Конкурс женихов ■ Ночное randevu ■ Щука побеждает ГИТИС

Москва 60-х. Время свежего ветра хрущевской «оттепели». Всенародного ликования по случаю первого полета человека в космос. Еще – легких прогулок по любимому городу в стиле «Я шагаю по Москве».

И юный артист постигает жизнь во всех ее проявлениях в обществе новых «кукольных» друзей. Веселой компанией они часто собираются в коммуналках Сретенки. Когда он опаздывает на электричку, остается ночевать у друзей. Влюбленные, окрыленные, уверенные в своем великом будущем, они шутят, поют, смеются. Их не волнует коммунальный быт, отсутствие денег, перспектив и вкусной еды.

В их компании все знали, что он ухаживает за красивой и хозяйственной Нелли Якубовой. Гулял с ней по вечерней Москве, танцевал на вечеринках и не давал никому приблизиться к своей даме. Забегая вперед, скажем, что замуж подруга вышла все равно за его товарища по «кукольному дому» – Лешу Игнатъева. Но осталась верным другом – «птичкой-Неличкой» – на всю жизнь. Именно к Нелли и Леше Игнатъевым, в их дом в Марьиной Роще будет потом он приходить – и когда ему будет очень хорошо, и когда совсем наоборот...

– Юра, как и мы все, любил тогда встречаться в неформальной обстановке, – вспоминает Нелли Игнатъева. – С четырнадцати до восемнадцати лет мы постоянно встречались у нашей подружки Нины Турчак на Цветном бульваре. Таня Майдель-Травинская приводила из редакции еженедельника «Литературная Россия», где она тогда работала, интересных журналистов, литераторов. Кого там только не было – вплоть до Бродского, Высоцкого, Визбора, Галича! Они читали стихи, пели нам свои песни. Мы играли на гитарах. Так справляли вместе все праздники – 7 Ноября, Новый год... Мы с Таней все организовывали, обзванивали ребят, собирали деньги (обычно скидывались по тройку), ходили закупать продукты.

И вот начиналась вечеринка... Юра всегда был в центре внимания. Настолько он был одарен во всем – прекрасно пел, музицировал, играл на фортепьяно. Он был красив, очень раскован, потрясающе танцевал. Сейчас я понимаю, как нам тогда повезло. А тогда... Когда это рядом, близко, то особенно не задумываешься, не ценишь. Мне тогда казалось, что у всех компании такие талантливые. Мы же все играли – кто в драмкружке, кто в кукольном театре.

И танцевали все. И как! Поскольку Юра был очень высокий, он мог схватить нас в охапку, повертеть и так, и сяк... Помню, там был двухметровой высоты шкаф, так мы, танцуя рок-н-ролл, ухитрялись ноги на него закидывать: такая была у нас игра – кто выше ногу забросит.

Юра жил за городом. Чтобы не ездить ночными электричками, частенько оставался ночевать у Танюши в ее огромной комнате на Сретенке, у меня, у моего будущего мужа в Печатниковом переулке, у Нины Турчак...

* * *

Нелли Игнатъева напоминает, что все школы тогда были восьмилетними:

– И после восьмого класса мы должны были идти в техникум или работать. И мы все оканчивали вечернюю школу. А когда мне исполнилось восемнадцать, Юра торжественно пришел ко мне чуть ли не как официальный жених. И подарил мне янтарный браслет. По тем

временам – шикарный подарок. Тогда мальчишкам в голову не приходило принести девушке букет цветов. А тут такое внимание!

Нелли вспоминает, что за нее развернулась настоящая борьба:

– Юриным соперником стал его друг Леша Игнатьев. Они даже были чем-то похожи – оба губастые, белобрысые. Правда, Юра был выше Леша. А я никак не могла выбрать, кто из них мне больше нравится. Юра вел себя очень интеллигентно – ездил с подарками, нежно и трепетно за мной ухаживал. Он не пил ни грамма, абсолютно. У него папа никогда не пил. Пить его впоследствии научили во МХАТе...

Но явно я никого не предпочитала. Я со всеми своими поклонниками одинаково ровно дружила. А в тот день рождения получилась история. После празднества Юра пошел ночевать к Леше, моему будущему мужу. Два часа ночи. Леша жил в коммунальной квартире. И кстати сказать, хорошо «поддавал» в этот период конкурентной борьбы. Да и Юра порядком опьянел на вечеринке. И когда они пришли к Леше домой, стали раздеваться, то свалили огромную старинную деревянную вешалку. Выскочили соседи, начался шум.

Потом они еще полночи просидели на кухне, решая по-честному, кому я все-таки достанусь. Как они там разыгрывали меня между собой, я уж не знаю, но понимаю, что мой хитрый будущий муж постарался. Юра после этого серьезного разговора почему-то надолго исчез из моего поля зрения...

Прошло время. Мы с ним снова возобновили наши отношения совершенно случайно. Тогда я уже работала в Министерстве культуры СССР. И Юрка все время просил меня познакомиться его с кем-то из актеров, режиссеров. Со мной тогда работала Нина Петровна Панкова, родная сестра Татьяны Панковой, актрисы Малого театра. Она была секретарем приемной комиссии ГИТИСа. Я ее познакомила с Юрой. Он ей очень понравился, дорога в ГИТИС была открыта для него, но Юра больше тяготел все-таки к Щукинскому училищу.

Глава 6. В поисках «дупла»

Учиться, учиться, учиться! ■ «Смотрите, кто пришел!» ■ От Прохожего до Иисуса ■ «Бело-розовый пельмень» ■ «Конфетки-бараночки...» ■ «Он первый поверил в меня» ■ Иллюзии «Иллюзиона» ■ Правильные мурашки ■ «Парле ву франсе?» ■ Цена упрямства ■ «В нем был камертон...» ■ Шампанское – лучшее лекарство от больных зубов ■ Чародеи в «Чародейке» ■ «Я вам спою...» ■ Рыцарь под балконом ■ «Дупло» на Суворовском бульваре ■ Циник в белом халате ■ Божья искра?

Однако дорога в заветное Театральное училище имени Б. В. Щукина оказалась для будущего народного артиста не такой гладкой. Требовался аттестат о среднем образовании. А его не было.

Потому что, напомним, в 1964 году девятиклассник химкинской школы № 6 Юрий Богатырев, увлеченный изобразительным искусством, ушел в Московское художественно-промышленное училище. В 1966 году он покидает его «по собственному желанию».

А аттестат? Тут пришла на помощь школа рабочей молодежи. В сентябре 1966 года Богатырев поступает в 11-й класс московской вечерней школы № 138. В следующем году он получает вожделенный аттестат о среднем образовании, который сейчас хранится в архиве Щуки.

И вот я держу его в руках.

При «отличном поведении» с пятерками у выпускника Юрия Богатырева было не особо густо – только по всеобщей истории и черчению. В основном везде четверки. А точные науки – типа алгебры, геометрии, физики – тянули только на «удовлетворительно», что вполне объяснимо. Похоже, он решил тогда сосредоточиться на главных для себя гуманитарных предметах.

Это подтверждает и характеристика, данная директором школы:

«Богатырев Юрий Георгиевич поступил в школу № 138 рабочей молодежи в сентябре 1966 года. За период учебы в школе проявил себя как старательный и прилежный ученик, упорно овладевал знаниями. Дисциплина отличная. Принимал активное участие в общественной работе школы. Организовал литературный «Огонек» и принимал активное участие во всех школьных вечерах и радиопередачах. Пользуется уважением товарищей и учителей».

Таким кондовым канцелярским стилем педагог увековечил истинные интересы своего ученика, который летом 1967 года легко проходит все творческие туры и становится студентом Щукинского училища.

* * *

Этот курс там до сих пор помнят как один из самых урожайных. Смотрите сами, кто тогда пришел.

Вместе с Богатыревым сели тогда за парты Наталья Гундарева, Константин Райкин, Владимир Тихонов, Алексей Граббе, Наталья Варлей – звезды, уже горящие на актерском небосклоне Москвы или готовые вот-вот ярко вспыхнуть...

Но он совсем не потерялся на этом сверкающем фоне.

– Впервые я увидела Юру на ступеньках Щукинского училища, – вспоминает Наталья Варлей. – Мы вместе поступали на первый курс. Он стоял в центре толпы абитуриентов – такой большой, вальяжный, громкий, что-то рассказывал и держал внимание всех.

И потом на протяжении всех четырех лет нашей студенческой жизни он так и притягивал всех нас какой-то необыкновенной внутренней силой. Это, наверное, и есть магия таланта.

С ним мы сразу прониклись пониманием. И так невольно получилось, что в нашей общей студенческой жизни главная, ведущая роль была у Юры. Он всегда был в центре внимания. Мы все старались говорить как он, шутить как он, – вкусы всего нашего курса были подстроены под Юру. При этом над ним немножко подсмеивались, подтрунивали, «пельмень» называли его, но с такой любовью, с такой нежностью. Или «бело-розовый»: он был как зефирчик – мягкий, пухлый, уютный, с большими, словно припухшими губами.

И в то же время удивительно легкий. Просто потрясающе легкий.

Я очень хорошо помню, как он танцевал на уроках танцев – просто летал.

Он замечательно пел. У него был прекрасный голос, удивительный слух. До Щукинского училища он занимался музыкой.

И еще на всех занятиях по мастерству он слушал, все время делая какие-то наброски, рисунки, зарисовки, шаржи... карандаш из рук никогда не выпускал.

Однажды нарисовал и меня – висящей головой вниз на трапеции. А лицо получилось перевернутое. Почему-то он так меня увидел. Жаль, что этот портрет у меня не сохранился.

А как мы развлекались! Вот перерыв между лекциями. Юра садится за рояль и играет свои любимые «Конфетки-бараночки».

И тут такое начиналось! Что мы творили – непостижимо просто! Например, Костя Райкин выпучивал глаза и, как обезьяна, скакал по столам. И начинались «джунгли». Шум, крики, хохот...

А ведь было всем нам от семнадцати до двадцати лет – уже не школьники, а взрослые люди. А Юра всему этому безобразию аккомпанировал.

* * *

– Это был первый набор Юрия Васильевича Катина-Ярцева, – продолжает Наталья Варлей. – Он впервые стал художественным руководителем курса, причем очень сильного. А Юрочка, по сравнению со многими, казался опытным артистом – он уже занимался в студии Штейна. А я, несмотря на то что уже снялась в кино, и даже в главных ролях, чувствовала себя безумно закомплексованно. Но это мой характер.

Наталья задумывается:

– На меня ведь как тогда смотрели: «Девочка-звезда, ну а что ты можешь?»

А я комплексовала. И Юра был одним из тех, кто считал, что я способная. Он вселял в меня уверенность в том, что я правильно сделала, что ушла из цирка и начала учиться в театральном институте.

Ну и, конечно, меня поддержал сам Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Ведь я несколько раз порывалась вернуться обратно в цирк. И только на четвертом курсе, сыграв в спектакле «Снегурочка» Островского, я наконец поверила в себя.

* * *

В училище мы играли очень много. У нас было бесчисленное количество этюдов, сценок, композиций, всевозможных отрывков. Мы ходили за советом к старшекурсникам, особенно дружили с курсом на два года старше нас: мы были на втором – они на четвертом. Это был тот курс, где учились Ленья Филатов, Боря Галкин, Володя Качан... У нас было какое-то единение с ними. Когда мы уже истощались на выдумки, за темами для этюдов бежали к ним, и они нам придумывали темы. Мы жили тогда какой-то странной, нереальной жизнью...

* * *

Леонид Филатов тогда только оттачивал свое перо.

– Я наблюдал Юру со стороны, – вспоминает артист и драматург. – Для их курса я делал пьесу «Время благих намерений», состоявшую из трех новелл. Ее ставили Валерий Фокин и Сережа Артамонов. Там играли Костя Райкин и Юра Богатырев.

Юра был миляга. Невероятно добрый человек. Отзывчивый. Коммуникабельный.

К тому же он так здорово рисовал, что я тогда подумал: ну зачем такому талантливому человеку заниматься нашей легкомысленной профессией? Ему же надо быть живописцем или графиком.

Но, понаблюдав за ним, я понял, что был не прав. Что Юра гораздо глубже и интереснее, чем кажется на первый взгляд, что это действительно неординарная личность.

Он очень вырос уже в училище. Он и раньше был эрудитом-книголюбом, много знал того, чего обычно не знают студенты. А во время учебы он постоянно пополнял свой интеллектуальный багаж. К тому же он был завсегдатаем кинотеатра «Иллюзион» (что требовало достаточного мужества – в те годы туда было очень не просто попасть), писал дневники... Словом, весьма разносторонняя личность.

А ведь многим людям кажется, что артисты – это чуть-чуть дурачки. Бытует такое мнение. Юра же был действительно очень умный человек. И этим многих сбивал с толку. А позже выяснилось, что и артист он замечательный. В училище это стало ясно всем – и сокурсникам, и преподавателям...

* * *

Знаменитую вахтанговскую школу Богатырев постигал не теоретически, а практически. Основоположники потихоньку сходили с бронзовых пьедесталов и становились для него вполне реальными учителями.

Что только он не играл! Сначала – этюды. На первом курсе – «У родильного дома», «Во время концерта» (вместе с Натальей Гундаревой), «В театре». Ректор училища Борис Евгеньевич Захава отметит на заседании кафедры актерского мастерства: «Молодец Богатырев! Работает хорошо».

Потом пошли уже маленькие роли. Например, Збышек из «Морали пани Дульской» Габриэли Запольской, Евдокимов из «Еще раз про любовь» Эдварда Радзинского.

Его заметит сама Цецилия Львовна Мансурова: «Интересный партнер! С точкой зрения!»

На экзамене первокурсник Богатырев сыграет «Сентиментальный этюд», сценки «Выпила» и «В редакции». Напротив его фамилии в протоколе будет стоять отметка «отлично».

На втором курсе самостоятельные работы пойдут уже более серьезные. Богатырев станет грибоедовским Молчалиным, чеховским Орловым («Рассказ неизвестного человека»). И снова этюды – теперь на темы «Деревенского детектива» Виля Липатова.

С особым удовольствием он сдавал зачеты по вокалу – пел «Солдаты идут» Кирилла Молчанова, «Случайный вальс» Марка Фрадкина, «Песню о пехоте» Булата Окуджавы, русские романсы.

Не все сразу получалось – тот же Захава будет ругать Юру и его партнера Костю Райкина за отрывок из романа Генриха Бёлля «Глазами клоуна»: «Я в претензии и к студентам,

и к педагогам в этом отрывке. Во взаимоотношениях не было прошлого... Пропадают естественные ритмы, здесь нарушение органики правды жизни... Отрывок затянут»².

Уже на третьем курсе пойдут роли, о которых заговорят. Это Версиров в «Подростке» Федора Михайловича Достоевского (Татьяну Павловну будет играть Наталья Гундарева) и Цезарь в «Цезаре и Клеопатре» Бернарда Шоу. И тот же Захава скажет теперь: «На курсе есть студенты, которые достигли исключительных успехов, – Гундарева, Богатырев, Граббе, – они дают основание гордиться ими».

Наконец, 7 апреля 1970 года состоялся показ самостоятельной работы третьекурсников – «Нос» по повести Николая Васильевича Гоголя. Богатырев играл ведущего и так азартно размахивал руками, что все вокруг смеялись: у тебя, мол, не руки, а верхние ноги. Но он ничего не мог с собой поделать – темперамент бил через край. Майором Ковалевым был Константин Райкин.

Педагогам работа понравится. Владимир Георгиевич Шлезингер скажет: «Сфера выразительности решения соответствует парадоксальности автора. Способ общения, течение мысли у ведущего, живой элемент пантомимы и другие исполнители меня все удовлетворили».

Владимир Абрамович Этуш не согласится: «Трудно говорить. Я не понял, о чем произведение, хотя мне нравится то, что я видел. Здесь у меня нет торжества, как было в Достоевском. Автор труден. То ли не хватило красок, то ли подвели актеры, но не всегда понятно. Студент Богатырев злоупотребляет самолюбованием, не хватает такта...»

Богатырев к критике прислушается и уже более внятно сыграет Охотина в светловских «Бранденбургских воротах», Серебрякова в чеховском «Дяде Ване» (снова на пару с Гундаревой – Еленой Андреевной)... А в спектакле Леонида Филатова по его же пьесе «Время благих намерений» в первой новелле «Беглый Иисус» Богатырев будет ни больше ни меньше как... самим Иисусом.

Но больше всего он запомнит работу у легендарной Цецилии Львовны Мансуровой. В «Месяце в деревне» Ивана Сергеевича Тургенева он сыграет Ракитина.

И потом долго будет с восторгом вспоминать репетиции с ней... А настоящий фурор произведет «Пышка» по новелле Ги де Мопассана, которую поставил в училище Валерий Фокин. Спектакль шел... на французском языке. Богатырев переводил реплики персонажей и читал текст от автора.

Вот как писал об этом критик Ю. Смелков: «Он переводил сухо, протокольно точно, механически воспроизводя интонации говорящих – и уже одним таким переводом высмеивались спутники Пышки. Отчуждение получалось необыкновенно точным и наполненным смыслом – людей оценивали объективно, непредвзято, и справедливым приговором им было презрение. Они могли что-то там говорить, как будто стараясь оправдать свою подлость и лицемерие, все их слова выслушивались и принимались во внимание – и тут же переводились на простой язык человеческой совести. И не выдерживали этого перевода, лопались, как мыльные пузыри...»

* * *

Прекрасно запомнит студента Богатырева и народный артист России Александр Ширвиндт, которого я навестила в его кабинете худрука Театра сатиры:

² Протокол № 24 заседания кафедры актерского мастерства Театрального училища имени Б. В. Щукина от 25 и 26 мая 1969 года.

– Я преподаю в Щукинском училище уже сорок три года. И через меня прошли целые поколения. Курсы бывали разные – по двадцать пять, тридцать, сорок человек. В общем, Щукинское училище – это «фабрика», которая печет актеров, как блины.

Вопрос: сколько получается артистов с большой буквы? Если три-четыре человека на курсе – это уже хороший КПД. И я еще занижаю планку. Хотя часто бывает, что студент в училище гений, а потом ничего особенного из себя не представляет. И наоборот – такие случаи тоже встречаются. Но – реже.

А курс, на котором учился Юра, я прекрасно помню. Он был очень плодотворный в смысле талантов. Там же учились Костя Райкин, Валера Фокин, Наташа Варлей... К сожалению, с Юрой я не работал в училище как педагог. В то время я как раз занимался дипломной работой Наташи Варлей, – мы работали над очень смешным водевилем. Но все равно Юра, как и остальные студенты, всегда был у меня на глазах.

И уже тогда я заметил необыкновенную его целеустремленность в профессии, а это очень редко встречается. В основном студенты-актеры – этакая «шпана». Поэтому так отличались «упертые»: Костя Райкин, Валера Фокин. И Юра.

Он бесконечно занимался самостоятельной работой. У нас в училище сложилась очень интересная традиция. Практика показала, что самостоятельную, без педагогов, работу студенты иногда делают лучше, чем под опытным руководством.

И вот Валера Фокин самостоятельно поставил как режиссер «Нос» по Гоголю. Это был замечательный спектакль. Юра тоже участвовал в нем и был просто необыкновенный – мягкий, милый, пластичный... Он играл «от автора» – читал монолог в стиле Качалова, в стиле старых мхатовцев. Потом я таким его больше не видел...

Наши актеры вообще очень привязаны к амплуа. И это закладывается уже в училище. Там определяется, что в будущем будет играть эта актриса – инженеру, трагисту, героиню или характерные роли. Хотя мы, преподаватели, много говорим о том, что актер должен быть разноплановым, но представление о типаже, менталитет амплуа – все равно страшно довлеет. Сейчас, правда, меньше...

Что же мог играть Юра?

Все!

Он был совершенно разносторонним. Он мог замечательно сыграть лирического героя. А затем очень легко уходил в характерность.

Юра был очень подвижен внутренне, разнообразен, мягок необыкновенно... Мягкость – это было основное его качество, его приоритет по отношению к другим артистам. При этом он отличался поразительной творческой интуицией: он никогда не позволял себе делать что-то выше той органической планки, которая была в нем заложена.

У него был какой-то внутренний камертон, который не позволял ему «плюсовать», наигрывать, говоря нашим шершавым актерским языком. Он всегда был предельно органичным. И отсюда мягкость. А разнообразие талантов у него было фантастическое. Он не только пел, музицировал, но и замечательно рисовал. У меня сохранились его рисунки – Юра легко их дарил...

И еще. Ему очень повезло с педагогом. Причем Юрий Васильевич Катин-Ярцев был не только замечательный наставник, но и прекрасный художественный руководитель курса. А это вообще отдельная профессия.

Например, есть режиссеры и главные режиссеры. Можно быть гениальным режиссером и никаким главрежем.

Катин-Ярцев был гениальным руководителем курса.

Когда я приходил к нему домой, то видел: на полу лежали этикие простыни-транспаранты. Написано, положим, «Богатырев» – и от этого квадратика с фамилией шли стрелки в разных направлениях к другим квадратикам. Это было обозначение вех творческого пути

Юры – что он уже сыграл, что он показывал самостоятельно, куда его вести дальше, где искать материал... Причем Катин-Ярцев делал такую учебную схему-«разблюдовку» на все четыре года для каждого студента!

Я такой скрупулезности в педагогике и представить себе не мог. Поэтому все курсы у Юрия Васильевича Катина-Ярцева были такие же замечательные, как богатыревский, где получилось много хороших артистов.

* * *

Александр Анатольевич задумывается, закуривает свою знаменитую трубку... И продолжает:

– Мы с Юрой редко общались, но я знал, что он ко мне очень хорошо относится. И я отвечал ему взаимностью. Нас не связывали никакие меркантильные отношения, мы вместе нигде не играли... У нас были чисто творческие взаимоотношения и взаимная симпатия друг к другу. И это было прекрасно.

Когда что-то происходило у него в жизни в творческом смысле – будь то выставка его рисунков или новый спектакль, – Юра всегда мне звонил и приглашал. А когда ничего не было, то он все равно звонил и говорил:

– Я звоню вам потому, что мы давно не виделись, а у меня есть такая система обязательности: мне нужно вам позвонить хотя бы раз в месяц.

И мы просто по телефону беседовали.

Он был трогательный и нежный человек с какими-то своими привязанностями. Вот запало ему в голову, что ему нужно со мной регулярно общаться (не знаю, зачем), и он не мог без этого. Возможно, я входил какой-то гранью в его спектр взаимоотношений с людьми, а возможно, просто от одиночества...

На выставке он с готовностью обсуждал свои живописные работы. Театральные – никогда.

Он был человек корректный и очень ранимый. Артисты ведь обычно очень зависимы от чужого мнения. Сыграют спектакль, и за кулисами у них в глазах собачий вопрос: «Ну как?» У Юры этого не было. Он был как бы... над схваткой. Он сам знал, что ему хорошо и что – плохо...

* * *

– Я очень хорошо помню, – продолжает свой рассказ Наталья Варлей, – как мы готовились к экзамену. Кажется, это была история. А может быть, обществоведение. В общем, что-то довольно скучное. А я жила тогда в коммунальной квартире на Суворовском бульваре, на шестом этаже, и у меня был огромный длинный балкон, с которого был виден Кремль и слышно было, как бьют часы на Спасской башне.

И вот мы сидели, зубрили...

Я ему внушала: «Юрочка, слушай!» А Юрочка, вместо того чтобы заниматься, выходил на балкон и восклицал:

– Боже мой, как красиво!

– Юрочка, послушай!

– Нет, я не могу, как это красиво!

Потом он возвращался, потом вдруг обнаруживалось, что у него болит зуб. И мы с подружкой Тamarочкой, как две восточные наложницы, укладывали его в постель. Было очень жарко, и мы укрывали его чем-то легким... Он засыпал, а мы сидели и готовились.

И вдруг Юрочка просыпался, и мы кричали: «Ура!» И забрасывали его конфетами и черешней. И он стеснялся, смеялся так немножко застенчиво, как большой ребенок:

– Ну ладно, ну девчонки, хватит... девчонки!

И мы снова сидели и занимались. А потом вдруг раздается звонок и приходит Леня Куравлев – так они с Юрой познакомились. Леня говорит:

– Шел я мимо, решил зайти... вот у меня бутылка шампанского.

Сели мы и выпили эту бутылку шампанского. И уже, конечно, было не до занятий... И пошли мы гулять по Москве. И как сейчас помню, мы шли даже прямо по Садовому кольцу – поздним вечером почти не было машин...

* * *

Свободного времени у нас тогда, по-моему, совсем не было. Откуда? Утром – лекции, в середине дня – мастерство, а вечером – репетиции. Иногда мы выбирались в цирк, на выставки, на спектакли.

В паузах между занятиями бегали в парикмахерскую «Чародейка». Но не стричься. Там был маленький кафетерий, где мы ели яйца под майонезом и подолгу просиживали за чашкой кофе. Сидели и беседовали...

К экзаменам, как правило, мы готовились всем курсом. Собирались всегда у Кости Райкина или у меня. Занимались. Но заканчивалось обычно тем, что кому-то приходило в голову достать бутылку портвейна. А другие принимали эту идею на ура. Чаще всего получалось так, что на фоне застолья я одна сидела и зубрила, а утром всем все рассказывала. Вот такая была добросовестная девочка – все засыпали, а я учила, учила, учила...

У Юры были и свои компании, и друзья. Он очень дружил с Сашей Адабашьяном. Мне кажется, что Саша был ему самым близким по духу человеком. Вроде бы закрытый, и в то же время понимаешь, что эта закрытость – от незащищенности, от внутренней ранимости. Очень тонкий человек, как и Юра.

Я вообще-то не любила больших компаний. Но мой дом на Суворовском бульваре был как бы на перепутье всех дорог. Тогда станции метро «Пушкинская» не было. И если люди шли из ВТО к «Арбатской» и видели, что у меня горит свет, – обязательно ко мне заходили. Так и собирались компании, особенно когда мы еще учились в Щукинском училище. Заглядывали и мои цирковые друзья – Волжанские, Бекбуди. И Юра очень часто здесь бывал.

Мы могли сидеть ночи напролет. А могли на какой-нибудь иномарке поехать в Шереметьево, чтобы там купить бутылку шампанского.

Юра всегда был душой компании. Во-первых, он замечательно пел, играл на гитаре и на фортепьяно. Романсы пел и какие-то иронические песни. Наверное, это были Окуджава, Галич, Клячкин. Их песни были в ту пору модны. Во-вторых, он очень смешно рассказывал анекдоты. В-третьих, замечательно «показывал» наших сокурсников.

У нас на курсе училась Люда Шайковская – очень крупная девушка, к тому же немного странная. Она всегда верила в предлагаемые обстоятельства. Как-то Костя Райкин играл на сцене отрывок и слышит, как кто-то рядом шипит... Костя, разъяренный, выскочил за кулисы. А там Люда держит на руках куклу и укачивает ее: «Ш-ш-ш... Тише, она спит». Юра потом очень точно все это показывал, да так, что мы все умирали от смеха.

Он часто рассказывал что-нибудь смешное, а когда все начинали смеяться, застенчиво улыбался, словно спрашивал: «Ну как, хорошо рассказываю?»

В тщеславии я никогда не могла его заподозрить.

* * *

В Юру, по-моему, были влюблены все. А у него самого были исключительно платонические увлечения. Все знали, что он влюблен в Олю Яковлеву. Эдакий «рыцарь под балконом». Он ходил на все ее спектакли – настолько был потрясен ее игрой. Это была не столько влюбленность мужчины в женщину – Яковлева была для него таким театральным божеством.

И еще он очень любил Лену Камбурову. Мы с Леной вместе заканчивали цирковое училище: я – цирковое, а она – эстрадное отделение. Тогда она, кажется, пела на выпуске «До свидания, до свидания, студенческий город Москва!». Интерес к творчеству Лены нас тоже объединял с Юрой. Он очень ценил в творчестве тонкость, духовность, личностность. А Лена Камбунова именно такая. И Оля Яковлева тоже. Внешне неяркие, но изнутри – светятся.

Юра мечтал работать с Анатолием Васильевичем Эфросом, но попал в «Современник». Полагаю, это был не совсем его театр. Хотя здесь он работал с Валерой Фокиным, который тоже пришел в «Современник».

По большому счету он действительно был артистом Эфроса. Его вальяжная природа, его удивительная органика очень подходили театру этого режиссера. Но, увы, не случилось...

* * *

Мы не переставали видеться и общаться с Юрочкой и после окончания Щукинского училища. Он начал работать в «Современнике», я – в Театре имени К. С. Станиславского. Скоро родила Василю...

Я все еще жила на Суворовском бульваре в коммунальной квартире. У меня была соседка, телефон общий, на ночной звонок я выскакивала в коридор, спросонья не понимая, что происходит. А Юра говорил:

– Натуль, можно я приду? Мне очень плохо.

– Приходи.

– А можно я принесу бутылку водки?

– Приноси.

Он мог появиться в два часа ночи. Приходил, рассказывал о своих бедах. И я, хотя водку терпеть не могла, вынуждена была сидеть с ним и как-то поддерживать компанию. Потому что я понимала, что ему нужно было кому-то излить душу. Наверное, как в той сказке, ему необходимо было дупло, куда он мог бы выкричать все, что накопилось в душе и требовало выхода... Юрочка приходил, делился своими переживаниями и просиживал до утра. А потом он шел пешком домой. Тогда по Москве ночью ходить было не страшно.

* * *

А потом мы вместе с ним снимались в картине Владимира Бортко «Мой папа – идеалист». Главную роль, артиста театра оперетты, играл знаменитый артист БДТ Владислав Стрельчик. Юрочка же играл его взрослого сына, который скептически относится к папе-идеалисту, к его романтической любви к девочке из кордебалета, то есть ко мне.

Так как я играла балерину, то похудела для этой картины на восемнадцать килограммов! Я стала невероятно тощая, весила сорок четыре килограмма. Никто не узнавал меня.

Внешность была совершенно балетная – длинные волосы, прямая осанка. Я так старательно худела, что режиссер стал уговаривать меня остановиться. Пришлось подчиниться.

Кстати, Юра вошел в этот фильм не сразу. Утвердили сначала другого артиста, Александра Мартынова из Театра имени Вл. Маяковского, он даже начал сниматься.

И вдруг в какой-то момент Владимир Бортко (это была его первая работа в кино) сказал, что Мартынов не справляется с ролью. Что ж, режиссеру видней. Он остановил съемки и пригласил на эту роль нового исполнителя – Богатырева. И Юра, с моей точки зрения, блестяще сыграл этого героя – холодного, циничного медика.

* * *

Варлей рассуждает так:

– Актер – это профессия для максималистов, для очень чувствительных людей. И потому иногда не понимаешь, как можно жить с толстой кожей – откуда, например, такой цинизм у врачей? Только сейчас, кстати, я начинаю разбираться в истоках этого профессионального бездушия – у меня появились знакомые медики, есть среди них и мои друзья. Я наблюдаю за ними и понимаю теперь, что это просто защитная реакция: когда человек ежедневно сталкивается с болью, болезнями, смертями, иначе нельзя, иначе действительно на второй день можно получить инфаркт...

Юра все это очень точно схватил. Он играл врача – такого по видимости циника-скептика, а на самом деле очень ранимого человека, и в конце фильма это раскрывалось в полной мере. Я считаю, что он замечательно сыграл в той картине.

К сожалению, режиссер при монтаже вырезал много и моих, и Юриных сцен, а оставил главным образом сцены с Владиславом Стржельчиком.

Стржельчик, конечно, в фильме блестяще играет. Но когда судьба его героя была дана в переплетении с другими характерами, с другими линиями и жизненными драмами – это было интереснее. А так: папа-идеалист от эпизода к эпизоду демонстрирует, какой он хороший, добрый, открытый, наивный, светлый. Остальные роли стали плоскими, пунктирными. От этого фильм сильно обеднел.

Когда все время бьют в одну точку – теряется напряжение, а следовательно, и интерес. Так и произошло с фильмом «Мой папа – идеалист». Жаль. Картина могла бы быть гораздо серьезнее, глубже, ярче. Да и сам Владимир Бортко на премьере в Доме кино согласился с нами: «Да, вы были правы, вырезать не стоило».

Но что толку от этого запоздалого признания?

* * *

Актриса замолкает. А потом признается:

– Я считаю, что Юрий Богатырев действительно был великим русским артистом.

Трудно объяснить, как он играл. Он выходил на сцену – и происходило чудо, которое невозможно было объяснить. Между ним и залом проскакивала та самая Божья искра.

Я думаю, что у Юры это было от Бога... Потому что природа его творчества была очень добрая. И он умел любить.

Последняя его роль, которую я видела в театре, – Клеант в «Тартюфе» Мольера. Он был такой толстый, смешной, утрированно некрасивый, но играл что-то необыкновенное. Он нашел интересный характерный ход – все монологи своего героя он произносил скороговоркой. Так быстро выпаливал каждый монолог, что это было очень смешно и забавно! Юра играл это гениально. В том спектакле все блистательно играли: и Станислав Любшин, и Анастасия Вертинская. Но Юра мне запомнился больше всех. Он был просто номер один.

Сейчас можно сравнить то, что делал Юра на экране, с тем, что делают сегодняшние знаменитые американские актеры, у которых великая слава...

И понимаешь, что у этих захваленных звезд нет по профессии ничего особенного! Ну, повернулся направо, повернулся налево и сыграл фактурой. Есть артисты, у которых огромное количество приспособлений – не десять, а шестьсот. Предположим, Джек Николсон. Понимаешь, что это его «фирменные» штучки. Когда-то у него получилось – и он это закрепил.

У Юры же, при всей его ярко выраженной индивидуальности, вальяжности, при его своеобразном юморе, – у него таких собственных наработанных механизмов-приемов не было. Они рождались сиюминутно.

Я не знаю, чем это объяснить.

Например, в фильмах Никиты Михалкова в ролях, сыгранных другими артистами, всегда проглядывает сам Никита. Он, видимо, точно показывает, а они точно исполняют. Александр Калягин в «Неоконченной пьесе для механического пианино» играет замечательно, но в его герое очень просвечивает Никита... А у Юры такого не было. Хоть Михалков и жесткий режиссер, у Юры в его картинах рождались какие-то свои, необыкновенные краски, которые навязать ему было бы совершенно невозможно.

Он много импровизировал.

И был настолько интересный, сложный, многогранный человек, и действительно с Божьей искрой, что никакой, самый мощный и талантливый режиссер не мог подавить его своей индивидуальностью...

Глава 7. Особое счастье

Светлая аура ■ Крепостные студенты ■ «Мой дом – твой дом!» ■ Сила этикета ■ Богема с Сивцева Вражка ■ «Кустовая» дружба ■ Душа компании ■ Вам помыть посуду? ■ Не беспокоить! ■ Соблазнитель Ефремов ■ Чистое сливочное масло ■ Медные трубы ■ Два привидения ■ Халтурщики МХАТа ■ Портрет левой ногой ■ Дурное предчувствие

«Квартирный вопрос» начал мучить студента Богатырева буквально с первого курса. В отличие от однокурсников-москвичей, ни собственной квартиры, ни родительской у него в столице не имелось, прописка была красногорская, подмосковная, а значит, студенческого общежития ему не полагалось. Денег снимать квартиру, естественно, не было. И свое большое «кочевье» по друзьям он начал с лучшего друга – Кости Райкина.

По его словам, Юрий сразу очень расположился к нему. И Константину он тоже показался интересным человеком. Обаятельный, красивый, явно умевший тогда больше, чем большинство из них. Он уже профессионально выступал на сцене чтецом. У него была хорошо поставленная речь, красивый, разработанный голос.

По словам Райкина, он создавал впечатление более взрослого, опытного в профессии, в актерском деле. При этом очень доброжелательный, открытый. Со своим взглядом на искусство, своими оценками спектаклей и актеров, которыми охотно делился. Константину казалось, что его друг излучал особую притягательную ауру. И они быстро подружились. Всюду стали ходить вместе. Буквально с первых дней учебы. Потому что стали испытывать глубокий человеческий интерес друг к другу. И дальше это продолжалось на протяжении многих лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.